

84(2-632.1)6
Ш 624

Иван Шинжин

КРАСНЫЕ
БОТИНКИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

СИГНАЛЬНЫЙ ЭНЗ.

Иван Шинжен

КРАСНЫЕ БОТИНКИ

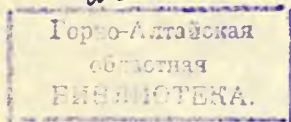
Авторизованный перевод
с алтайского Г. Володина

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
БАРНАУЛ 1976

84(2-6) 32.1/6-4

~~2 P~~
Ш 62 4

266494V

Шинжин И. Б.
Ш 62 Красные ботинки. Рассказы. Барнаул, Алт. кн. изд.,
1976.
40 с.

Рассказы посвящены жизни алтайских ребят в трудные послевоенные годы. Автор, глядя на мир глазами своих маленьких героев, показывает и красоту окружающей их природы, и красоту человеческих отношений, и красоту труда.

Рассказы написаны коротко и поэтично.

70803—011
Ш М 138(03)—76 53—76

2 P

© Алтайское книжное издательство, 1976.

Б-ШИБ-КБ

ДРУЗЬЯ

Они пришли к бригадиру рано. Солнце еще не показывало из-за горной гряды своего малинового краешка. На траве лежала тяжелая роса, а в воздухе висел густой туман. Но у конторы уже толпились люди, у коновязи стояли, помахивая хвостами, кони, на дороге тархтел колесный трактор с прицепленной к нему тележкой. Все было готово к отъезду на далекие долинные луга, где каждый год колхоз заготавливает на зиму сено.

Бригадира они увидели в толпе. Он подходил то к одному, то к другому колхознику и о чем-то говорил с ними. Наверно, отдавал распоряжения. И мальчики замялись. Боязно было отвлекать человека от дела — еще осердится и ругаться станет. Но вот он переговорил со всеми и, неторопливо отойдя в сторону, закурил. Друзья решили, что сейчас самое подходящее время для разговора с ним.

— Дядя Яжнай! — обратились к бригадиру. — Мы пришли.

— Провожать?

— Не-е, — протянул Байкал, — работать пришли. Нам в школе говорили, чтобы мы летом помогли колхозу. Копны возить станем. В других бригадах тоже ребята работать будут. Мы распределились. Нам выпало в вашу бригаду.

Митрей спрятался за спину друга и молчал, предоставив слово старшему товарищу. Коренастый, с потемневшим от загара лицом бригадир казался ему очень строгим. Может быть, даже строже директора школы и завуча, которых Митрей почему-то очень боится. А дядя Яжнай оглядел Байкала

с головы до ног, словно взглядом измерил его рост. В его сузившихся глазах то ли первый солнечный луч отразился, то ли улыбка блеснула.

— А ну-ка, согни руку в локте, — потребовал он, — посмотрим, хватит ли у тебя силы, чтобы удержатъ повод.

Байкал поспешно согнул руку. Бригадир пощупал ее выше локтя и серьезно сказал:

— Есть силенка у тебя, есть. В каком ты классе-то учишься?

— В четвертый перешел, — ответил Байкал и гордо добавил: — В пионеры уже принят.

— А без галстука почему?

— Так на работу ведь. У меня галстук новый.

— Ладно, — кивнул дядя Яжнай, — садись вон на Рыжку и вместе с другими копновозами поезжай на луга. Они знают, куда ехать. Но завтра чтобы в галстук был. Чтобы видели люди.

Байкала как ветром сдуло. Он кинулся к коновязи, у которой среди других коней стоял заседланный Рыжка, совсем забыв о том, что пришел сюда с другом. А Митрей остался один на один со своим бригадиром. Он стоял и ковырял носком старенького резинового сапога землю, боясь поднять на дядю Яжная глаза. Даже не знал, что сказать.

— А ты что? — прозвучал голос бригадира. — С матерью или с дружкой пришел?

— Я тоже с Байкалом хочу. Также копны возить.

Бригадир отступил на шаг и раскатисто рассмеялся:

— Ишь ты, копны возить, — сказал он, отсмеявшись, — а ты из-за ушей коня дорогу увидишь, а? Сдается мне, что они мешать тебе будут.

Дядя Яжнай снова засмеялся и, положив руку на плечо Митрея, сквозь смех проговорил:

— Иди домой, малыш. На будущий год станешь копны возить. Подрасти только да силенки поднаберись. Договорились?

Он подтолкнул легонько Митрея в спину и, не оглядываясь, пошел к людям. Мальчику хотелось заплакать от такой несправедливости. Даже глаза защемило от подступивших слез. Но он сдержался. Взрослые ведь вокруг. Засмеют чего доброго. Скажут, рева, а туда же, работать просится.

Мальчик закусил губу и направился к тракторной тележке, в которую уже садились сенокосчики. Никто не обратил на него внимания.

...На лугу работал трактор. Он тянул за собой косилку, и там, где она проходила, трава ложилась в ровные высокие валки. На каждой былинке сверкала роса, и казалось, что трава плакала из-за того, что ее срезают под самый корень. Добрая половина луга была выкошена позавчера и вчера. Валки там уже были не зеленого, а золотистого цвета. Каждая былинка в них походила на лучик, оброненный солнцем.

Работа началась. Женщины взялись шевелить сено, чтобы оно скорее сохло, мужчины подготовили место для будущего стога и принялись копнить шуршащую траву. Тут и там начали подниматься нечесанные головы копен.

А вот и Байкал рысью проехал на коне. Уже через минуту он гнал Рыжку к месту стогования.

— Шш-ши, — шуршало сено, свисающее с волокуши. Так шумят камыши при ветре в болотной низине и кедры на скло-не горы во время непогоды.

— Шш-ши, — поминутно несло над лугом и улетало в недалекое синее ущелье. Любопытные тушканчики столбика-ми встали возле своих нор и смотрели с косогора на людей. А серые сенокосилки взялись подражать колхозникам. Они ре-зали траву своими острыми зубами и раскладывали на солн-цепеке.

Митрей затаился в кустарнике и с завистью смотрел на копновозов. Ох, как хотелось ему заполучить сейчас лошадь. Хоть какую-нибудь. И досадовал на Байкала. Друг тоже на-зывается. Совсем забыл о нем. Бросил одного. А сам ездит. Взрослого из себя воображает.

«Ладно-ладно, — мысленно грозил он Байкалу, — и на нашей улице праздник будет. Вот поеду к отцу на выпаса, тебя ни за что с собой не возьму. Там кони не чета этим за-езженным клячам».

Он представил себя на отцовском коне скачущим по луго-вой долине. Ветер треплет волосы, бьется в рубашке, свистит в ушах. Удила мелодично звякают. Он отчетливо слышит их звон.

Нет, это наяву звенит что-то. Митрей выглядывает из кустов и видит, как повариха бьет в подвешенный на сучок рас-кидистой ели лемех, созывая сенокосчиков на обед. И вот уже на лугу никого не осталось. Зато у стана стало шумно. Раздавался смех, кто-то рассказывал что-то веселое. Байкал сидел под елью среди мужчин и старался вести себя по-взрослому. Даже голос умышленно огрублял, чтобы его не принимали за маленького.

Митрею надоело сидеть в кустах. Он поднялся и осторожно двинулся к стану. Есть он не хотел, хотя дома не успел позавтракать. Просто надоело многочасовое молчание. Вот и пошел он к людям, чтобы словом перекинуться со знакомыми. А знакомы ему тут все.

Едва мальчик вышел из кустов, его увидел бригадир. И Байкал увидел. Митрей заметил, что у друга даже ложка в руке задрожала и он перестал есть.

— Иди-ка сюда! — строго позвал дядя Яжнай, намереваясь отправить мальчугана домой с отходящим в деревню трактором. Но у Митрея ноги словно приросли к земле.

— Иди, иди! — снова позвал бригадир. Мальчик хотел уже снова скрыться в кустах, но тут увидел, как Байкал проворно сорвался со своего места и бросился к бригадиру. Казалось, что сейчас он встанет перед дядей Яжнаем на колени. Но он не встал, а как-то нелепо согнулся и срывающимся от волнения голосом зачастил:

— Дядя Яжнай, а дядя Яжнай! Не прогоняйте его. Дайте Митрею коня, а?

— Твоего? — прищурился бригадир. — Могу отдать твоего коня.

— Зачем моего? Вон Тиньди. Она большая, и лошади трудно, наверно, возить ее и волокушу таскать. Ну, а если хотите, то моего дайте. Пусть до вечера возит копны на Рыжке.

Дядя Яжнай смотрел на Байкала, и глаза его добрели.

— Ишь ты, — уважительно проговорил он наконец, — значит, ты за то, чтобы друг в обиде не остался. Ну, ну. А он на коне-то удержится?

— Еще как! — уверил Байкал. — Он у нас всех ребят обгоняет на коне. Да вы попробуйте с ним состязаться, тогда узнаете. Он и вас обгонит, пожалуй!

— Митрей, — ласково позвал бригадир, — бери коня Тиньди. А она другую работу выполнять будет.

Мальчуган сначала не поверил. Стоял, переминался с ноги на ногу. Наконец до него дошло, что с ним говорят серьезно, и он заулыбался радостно. Потом согнул руку в локте, и ему показалось, что на ней упруго вздулись мышцы.

А через четверть часа он уже возил копны.

— Шш-ши, — шуршало сено, свисающее с волокуши.

Так шумят при ветре камыши в болотной низине и кедры на склоне горы во время непогоды. Но было солнечно и безветренно.

КУРЫ И МОЕ ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Недавно в нашей школьной стенгазете появилось мое стихотворение. Вот оно:

— Куть-куть-куть!
И цып-цып-цып!
Не играйте в прятки,
Не воруйте огурцы
С огородной грядки.
Собирайтесь поскорей
Возле дома во дворе.
Я насыплю дополна
Вам отборного зерна.

Под ним стояла моя подпись. И хотя ребята видели ее, все равно спрашивали:

— Ты ведь написал, да?

Я утвердительно кивал и гордо отходил от стенгазеты. Но находились более назойливые мальчишки, которым непременно надо было узнать: а как его писал? Тут уже я просто выходил из себя. Не мог же я рассказать им о не совсем приятном для меня случае.

...А было так. В наш курятник повадились вороны и стали таскать из гнезд, в которых неслись куры, яйца. И хотя говорят, что куры глупы, тут у них хватило ума, и наши несушки выбрали себе места для гнезд в густой и высокой крапиве. Здесь ни одна ворона не разыщет.

Зато мне прибавилось хлопот. Каждый день до обеда приходилось лазать по жгучим крапивным зарослям и разыски-

вать яйца. Иной раз так налазаешься, что глаза не смотрели бы на этих проклятых кур. А тут еще одна беда навалилась: на огуречной грядке в огороде начали появляться завязи. Увидела их мать и строго-настрого наказала:

— Смотри у меня, глаз не спускай теперь с куриц, повадятся в огород — не отводишь. Все зародышки повывкляют.

Мать уехала на покос, а я остался во дворе. Куры ходили здесь же как ни в чем не бывало. Некоторые купались в пыли, а те, которым надо было нестись, убежали в крапиву. Я уже хотел пойти к другу за книгой, но тут увидел, что наш красный петух, высоко поднимая ноги, направился в огород. А за ним и куры одна за одной потянулись. Они уже вошли в между-рядья молодого табака, посаженного матерью. Я обогнал их и стал у огуречной грядки, а из табака выгонять не стал. «Не будут же они эту горечь клевать, — подумал я, — пусть себе ходят». Но уже через минуту пожалел об этом. Негодные куры так успели исклевать листья табака, словно их изрешетило градом.

Я выгнал кур и до вечера пас их с хворостинкой, как пасут гусей. Когда я загнал их в курятник, пришла мать:

— Ну, как дела, сынок? — спросила она.

— Ничего дела, — сказал я, — только табак куры немного поклевали.

— Выправится табак, — сказала она, — но и туда не пускай их. Пусть в крапиве шарятся. Голодными не останутся, там всяких червей много... .

Несколько дней я следовал совету матери. Загоню их во главе с петухом в крапиву и не выпускаю оттуда. А когда всех потеряю из виду, кричу, подражая матери:

— Куть-куть-куть!

Курицы бегут ко мне, обступают меня. Но я ничего им не даю, и они нехотя расходятся, укоризненно покачивая головами. А петух еще: «Ко-ко-ко!» — говорит. Дескать, кого обманываешь? И вскоре они на мой зов сбегаться перестали. Уйдут и пасутся где-то там в густых крапивных зарослях.

«Забыли они теперь и об огороде, — обрадовался я, — теперь можно и мне своими делами заниматься». И пошел на речку купаться. Поплавал там с ребяташками, позагорал немного совсем и домой пришел. Ни во дворе, ни в крапиве ни одной куриной души не увидел. Глянул в огород — и обмер: на огуречной грядке собралось все наше куриное семейство. Даже малые цыплята, которым всего-то неделя исполнилась, были там и учащенно работали клювами.

. — Куть-куть-куть! — позвал я. — Тип-тип-тип!

Но никто не бросился ко мне. Тогда я схватил хворостину и, промучавшись более часа, загнал всех кур и цыплят в курятник отбывать наказание.

Вернулась мать. Узнав о происшедшем, она чувствительно ожгла меня прутом, а потом сказала:

— Пшеница вон под навесом в мешке. Кормил бы их почаще, глядишь, и не лазали бы они в огород.

Утром я, как обычно, угнал телят на пастбище и снова занялся курами. На этот раз я прямо у выхода из курятника насыпал много зерна. И мне радостно было видеть, что ни одна курица даже не глянула в сторону огорода. Я заплясал и запел слова, невесть откуда пришедшие на ум:

— Куть-куть-куть!
И цып-цып-цып!
Не играйте в прятки,
Не воруйте огурцы
С огородной грядки.
Собирайтесь поскорей
Возле дома во дворе.
Я насыплю дополна
Вам отборного зерна.

Названия у этого стихотворения не было совсем никакого. А в школьной стенгазете оно называется: «Куры и мое первое стихотворение». Наверно, наш учитель поставил его. Но откуда он может знать о моих куриных злоключениях? Ведь он в то время был на покосе и работал в одной бригаде с моей матерью...

КРАСНЫЕ БОТИНКИ

В нашем сельском магазине почти никогда не бывает красного крема. Да и зачем он у нас? Красную обувь в селе почти никто не носит, потому что неудобно ее носить. Ведь здесь даже после маленького дождя ступить некуда — везде липучая синевато-черная грязь. Она чем-то походит даже на черный крем. Вот разве только чуть пожиже будет. И вообще ботинки у нас не в моде. Большая часть людей ходит в сапогах.

А тут мама купила мне ботинки. К тому же красные. Принесла, поставила их передо мной и ласково сказала: — Вот в чем в школу пойдешь, сынок!

Я огорчился сначала: а чем же я их чистить стану? Где найду красный крем для них? Но, представив себя в такой яркой обуви среди ребят на школьном дворе, я воспрянул духом. Ведь, может быть, единственный приду в школу в нарядных красных ботинках, и ребята будут завидовать мне. И я растроганно поблагодарил:

— Спасибо, мама!

— Только до школы не носи, — предупредила она, — чтобы хватило ботинок на осень.

— Ладно, — заверил я, — буду беречь обувь.

И держал свое слово. Ни разу не вышел в них на улицу. Дома, правда, обувал их иногда и любовался, как хорошо сидят ботинки на моих ногах.

До начала занятий в школе оставалось уже несколько дней, когда у нас неожиданно прибавилась семья. К нам навсегда приехала жить девочка Карагыс. Она одноклассница со мной, и мы должны были пойти учиться с ней в один класс.

У мамы сразу прибавилось забот. Надо было справиться Карагыс какую-нибудь одежду, найти для нее учебники, школьную сумку и всякие там бантики, без которых девчонки никак не могут обойтись.

Как-то я спросил у мамы:

— А почему Карагыс у нас теперь будет жить? Разве она совсем наша?

Мама погрузилась сразу и тихо сказала:

— Наша она, сынок. Совсем наша. Не обижай только ее, смотри, никогда. Ей и так сейчас нелегко.

Я не понял, почему она наша и почему ей нелегко сейчас, и поэтому не унялся:

— А где же у нее отец с матерью?

— Это дочь твоей родной тети Торко, которая долго бодела и вот недавно померла. А отец Карагыс два года назад погиб в горах, спасая колхозную отару. Так что нет у нее никого роднее нас.

Мама замолчала. На ее глаза навернулись слезы. И я понял, что ей об этом тяжело говорить, ведь тетя Торко была родной сестрой мамы. Они были близнецами и очень походили друг на дружку. Даже голоса у них были одинаковыми. И, когда к нам в гости приезжала тетя Торко, я, выйдя из аила, не мог определить, кто говорит, мама или наша гостя.

Учебников для Карагыс мы не нашли. В магазинах их уже не было, а у знакомых ни у кого не оказалось. Одни сдали учебники в школу, другие раздали ребятам, а третьи просто выбросили старые книги, как ненужный хлам. Мама ходила по соседям, шила для сестренки воротнички, платья, фартук. А у меня в душе шевелилась неприязнь к Карагыс. Ведь мама так может совсем забыть обо мне и заниматься только приезжей.

За день до занятий мама пришла откуда-то и печально сказала:

— Так и нет ни у кого книг.

— А ты не очень расстраивайся, — бодро сказал я, — мы с Карагыс живем вместе и преотлично можем обойтись одними моими книгами. Вдвоем станем учить. Так даже удобнее.

— Правильно, сынок, — одобрила мое предложение мама, — вон у Буурай близнецы занимаются по одним учебникам, и ничего. Их даже всегда хвалят в школе, как лучших. И еще, — мама понизила голос, чтобы Карагыс, вышедшая только что из аила, не услышала, — ты отдай

ботинки сестре. Они красные, и девочке такие удобней носить. А тебе я, как только привезут в наш магазин, куплю сапоги. Ну, а пока придется походить в кожаных ичигах. У нас ведь многие в таких ходят.

Мне было так жаль отдавать свои ботинки, что хотелось зареветь. Но я сдержался, потому что могла войти Карагыс, и почти шепотом сказал:

— Ладно.

На том и порешили. И вот первое сентября. Сначала была торжественная линейка во дворе школы. Потом прозвенел первый звонок, и мы пришли в класс. Учитель построил всех у доски по росту и стал парами рассаживать по партам. Карагыс была выше меня ростом, и поэтому ее посадили с такой же высокой девочкой на последнюю парту. Я был невысок ростом. К тому же у меня болели глаза, и мне досталось место за первой партой. А дома мы договорились с сестрой, что сядем вместе. Вышло же вон как. Но с учителем спорить не станешь. Пришлось смириться.

Мальчик, с которым меня посадили, с первого дня не понравился. Я и сам не паинька, но этот задирает всех в классе, потому что был крепким и подвижным. Стоит учителю отвернуться, как он то меня шелкнет по носу, то соседа толкнет в бок так, что тот от неожиданности ойкнет.

К тому же он оказался жадным. Увидев, что я передал перед началом урока свой учебник сестре, он зажал книгу между локтями так, что я не мог увидеть ни одной буковки. На уроке я пытался заглянуть в учебник, но Селек, так звали моего соседа по парте, закрыл книгу ладонями.

— Жадина, — прошептал я, но тут же получил такой толчок в бок, что пожалел о сказанном. А на перемене он закрычал на весь класс:

— Вы только посмотрите на этого ободранного зайца! Свои книги не носит в школу, на других надеется. Ишь ты, зайсан какой выискался! За счет других прожить хочет.

Кто-то из ребят засмеялся. А я ничего не ответил Селеку, хотя на зайсана ничем не походил. Скорее он на богатея смахивал. Я-то вон какой худой и с воспаленными глазами. А он — розовощекий, нарядный и высокомерный. Да и все ухватки у него зайсаны — везде хочет свое превосходство показать. Как же! Он ведь сын бригадира, а не какого-нибудь там простого чабана. Хотя отец Селека очень хороший человек, который никогда не возносится ни перед кем и не гнушается никакой работы.

266494.

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

И Карагыс не повезло с соседкой. Ей та тоже не давала пользоваться учебником, говоря, что не умеет одну книгу читать вдвоем.

— Понимаешь, — говорила она сестре, — когда ты смотришь в мою книгу, мне кажется, что меня сбиваешь. Ну вот как в разговоре сбивают. Я даже запомнить ничего из прочитанного не могу из-за тебя.

Так прошло несколько дней. Сестра дома ничего не говорит матери о наших школьных делах. Я, глядя на нее, тоже помалкиваю. А то еще подумает, что я болтун какой.

Сколько времени продолжалось бы так, не знаю. Но однажды, когда мы пришли из школы, мама спросила:

— Ну, как учатся мои дети?

— Плохо учатся! — выпалил я.

— А почему это? — опечалилась мама. — Может быть, вам мешает что-нибудь? Или просто ленитесь?

Тут я выложил маме все, как есть. Рассказал про наших жадных соседей. Даже про то, что Селек обозвал меня зайсаном, упомянул.

— Так ли это, Карагыс? — спросила мама, как будто я мог все это придумать. Карагыс кивнула головой.

— Учитель знает об этом? — спросила мама.

— Что мы, ябеды, что ли? — обиделся я. — Тех, кто ябедничает, у нас не любят. Бьют даже.

— Ладно, — сказала мама, — я сейчас схожу в школу и попрошу учителя, чтобы вас посадили за одну парту.

— Только ты там ничего не говори из того, что я рассказывал тебе о наших соседях, — попросил я, — а то нам проходу не будет. Ты скажи...

— Не учи, сама знаю, что мне сказать учителю, — перебила меня мама и, ворча себе что-то под нос, вышла из аила.

Не знаю, что она говорила учителю. Только наутро нас на первом уроке посадили за одну парту с Карагыс. Не скажу, чтобы я сильно обрадовался этому. Ведь у нас с девочками сядят за парту тех, кто плохо ведет себя на уроках. Утешало одно, что я сижу не просто с девочкой, а с сестрой.

С этой поры и учеба у нас пошла куда лучше, чем в первые дни. Все чаще Карагыс начала получать пятерки. Да и у меня они иногда начали появляться. И недавнее стало как-то само собой забываться. Я уже не косился, как прежде, на Селека. Наоборот, даже кое в чем подражать ему стал. Иногда мне вдруг взбрело в голову зажимать книгу между локтями и не давать сестре читать. Она молчала. И мне это почему-то нра-

вилось. Потом я стал ее толкать по поводу и без повода точно так, как толкал меня мой сосед. И при этом Карагыс молчала.

Однажды я после школы бегал с ребятами по улице и насквозь промочил свои ичиги. Пришел домой и стал сушить их, чтобы назавтра в школу идти в сухих. И тут возле очага я увидел только что вымытые ботинки. «Ведь они же мои, — подумал я, — а Карагыс носит их, как свои».

— Знаешь что, — сказал я сестре, — давай с тобой носить ботинки по очереди. Три дня будешь ходить в них ты, а три дня я. А то несправедливо получается.

— Ладно, — безропотно согласилась Карагыс, — пусть будет так. Мне все равно, что в ичигах, что в ботинках.

Три недели все шло хорошо. Шло так, как и договорились: три дня ботинки носила Карагыс, три дня я. А на четвертую неделю начались дожди. В ичигах стало ходить совсем неудобно, потому что к ним прилипала грязь и они становились такими тяжелыми, что было трудно переставлять ноги. И ко всему ичиги промокали насквозь, и ноги в них были по всему дню мокрыми. Особенно мокрыми они были в те дни, когда их носил я.

Зато в ботинках было хорошо! Ногам удобно в них, легко и сухо, если, конечно, через верх не начерпаешь воды. И я решил не давать их Карагыс. Так проходил я в ботинках всю неделю. Карагыс молчит. Вторую неделю начал носить, а сестренка ни слова. Правда, она теперь почти не стала показываться на улице. Придет из школы и сушит ичиги у очага или зубрит уроки. А я носился по селу с ребяташками до самого заката, ходил с ними в горы и в тайгу за редкими уже кедровыми шишками.

Ботинки начали терять свой прежний вид. Кое-где на них появились царапины, оставленные острыми камнями и сучками деревьев. Я уже до того стал считать ботинки своими, что однажды, собираясь в школу, начал отчитывать Карагыс за то, что она вечером не помыла мою обувь.

— Вот это здорово! — сказала мама. — Ты чего это в чужие ботинки вырядился и еще ругаешься, что они грязны?

Я понял, что попал впросак, и не знал, как оправдываться перед ней. А мама потребовала:

— А ну, сейчас же отдай ботинки сестре!

Пришлось подчиниться. Но только с этой самой минуты я вдруг возненавидел Карагыс. Возненавидел сильнее, чем когда-то ненавидел Селека, обозвавшего меня зайсаном.

«Ладно-ладно, — зло подумал я, — отыграюсь я на тебе, противная девчонка!»

И начал отыгрываться с того же дня. Мать клала нам каждый день по сырчику и по ломтю хлеба, потому что утром, уходя в школу, мы почти не завтракали. Иногда есть просто не хотелось спросонок, иногда времени не было. Вот я и решил не отдавать Карагыс в школе ее пай — пусть голодной ходит. А то ишь ты, возомнила о себе. Я стал отдавать сырчик и хлеб, предназначенные сестренке, кому-нибудь из друзей или съедал сам. А один раз прямо на глазах у Карагыс отдал хлеб приبلудной собаке. Сестренка тогда ничего не сказала, только как-то презрительно поглядела на меня, словно я не человек, а какое-то безобразное существо.

Октябрь близился к концу. В это время у нас в горах начинается самая плохая пора. То дождь идет, то снег сыплет, то вдруг подует с гольцев пронизывающий холодный ветер. В эти дни не знаешь, что и надевать. С утра может ярко светить солнце, к обеду вдруг зарядит нудный осенний дождь, а к вечеру крупный медленный снег повалит, как будто кто-то вверху раздергивает облака и по шепотке бросает на землю.

Мама к этому времени связала мне и Карагыс варежки и носки, чтобы мы не мерзли. А Карагыс взяла варежки и вышила на них красивый орнамент, чтобы мы не могли их спутать с чужими. Даже на моих носках она вышила по ветке кедра. Но зачем, спрашивается? Ведь в ичихах эти ветки никто не увидит.

«Это она подлизывается ко мне, — подумал я. И твердо решил: — Не выйдет!»

Злоба моя на сестру не проходила. Я все еще не мог смириться с тем, что она носит мои ботинки. Да дело не только в ботинках. Мне стало казаться, что мама действительно отдает предпочтение Карагыс, а не своему родному сыну.

И вот в один очень ненастный день, когда особенно нудно сеял мелкий дождь, по дороге в школу я не выдержал и, стукнув сестру по спине сумкой, потребовал:

— Снимай ботинки! Ишь ты, хозяйничает. А я мокрый насквозь, даже пальцы ног в ичихах слипаются.

— Как же я их сниму? — спросила сестра. — Мы же с тобой стоим в самой луже.

— Пойдем вон на камень, — предложил я, — там сухо. А то разносилась...

Мы сошли с дороги к камню. Карагыс переобулась в мои размокшие ичихи и тут спохватилась и сказала:

— Ой, погоди! Я и носки свои тебе дам. Они ведь у меня сухие. А то какая польза будет оттого, что ты обуешь ботинки в своих совсем мокрых носках? Ноги так и останутся мокрыми. На вот мои носки надень. Они совсем сухие.

Сказала она это все как-то просто, и мне вдруг стало совсем неловко перед сестрой.

— Ладно, — пробурчал я, — у нас одинаково получится. Ты будешь в мокрых ичихах и сухих носках, а я в сухих ботинках и мокрых носках. Так без обиды.

В школе мы сидели притихшие. Я не толкал и не щипал ее, а думал о Карагыс. Все же она хорошая девчонка. Я к ней со злом, а она ко мне с добром. После всего, что я делаю для нее, надо иметь терпение, чтобы по-братски относиться ко мне.

Я даже не слышал, когда прозвенел звонок и началась перемена. Даже обычный во время перемен гвалт не слышал совсем. Просто сидел и думал. И вдруг я услышал плач Карагыс. Это было для меня так неожиданно, как если бы среди зимы загредел гром. Оказалось, Селек зачем-то вцепился в фартук Карагыс и порвал его. Опять, наверно, хотел подчеркнуть свою безнаказанность этот самоуверенный мальчишка.

Мне почему-то вспомнилось, как уложив нас спать, мама шила ночью этот фартук, а утром примеряла его на Карагыс и негромко говорила:

— Надо вот здесь чуточку укоротить, и фартучек будет тебе в самый раз, дочка.

Не знаю, какая сила подняла меня на ноги и столкнула лицом к лицу с Селеком. Тот держал в руках клочок от фартука и криво усмехался.

— Защитничек нашелся, — балагурил он, давай я на тебе рубаху порву, чтобы дома обоим влетело.

Ни слова не сказав, я со всей силы, какая только у меня есть, заехал ему в ухо. Селек, видимо, не ожидал этого и качнулся. А я, не давая ему прийти в себя, прямым тычком сунул ему в нос. Удар был точным и сильным. Из носа у Селека сразу брызнула кровь. Он кинулся на меня, но товарищи начали растаскивать нас. Однако было поздно — в класс вошел учитель.

— Что здесь творится? — спросил он. — Что это за ледовое побоище? Или тут еще какое новое, не известное истории, сражение только что состоялось?

Для начала, как не успевшего уйти с места сражения, он поставил меня в угол и обратился к классу:

— Так что же здесь произошло?

Девчонки, конечно, рассказали все. И учитель разрешил мне сесть за парту. Я сел и глянул на Карагыс. Она уронила голову в ладони и тихо всхлипывала. Вот когда я по-настоящему впервые пожалел ее. Ведь, если разобраться, она не из-за нанесенной обиды плакала, а из-за того, что порвали фартук, который шила наша мама. Ведь раньше-то я сильнее обижал ее, но она никогда не плакала. И я с горечью подумал: «А вчера бы не заступился за Карагыс».

Домой мы шли нехотя. Боялись, что мама будет ругать сестренку за изодранный фартук, а меня за драку с Селеком. Но все обошлось. Услышав от нас о случившемся, мама сказала:

— Фартук я новый сегодня же сошью. Бог с ним со старым. А ты, Карагыс, на, примеряй-ка новые зимние ичиги с кочемными чулками. В ботинках-то теперь холодно тебе ходить. А ты, сынок, — повернулась она ко мне, — вон сапоги примерь. Взяла только сейчас их в магазине, как и обещала.

Я обул сапоги. Они были мне в самый раз и лаково блестя в солнечном свете. Прошелся по айлу, и мне понравилось, что они поскрипывают, как будто ступаешь не по полу, а по хрустящему январскому снегу.

Понравилась моя сапоги и Карагыс. Это было видно по тому, как она, скосив глаза, следила за мной. И тут, вспомнив все, что случилось по дороге в школу и в школе, я сказал:

— Мама, пусть эти сапоги носит Карагыс. А я буду носить ичиги, которые ты сшила для нее.

— Это почему? — удивилась мама.

— Так ботинки-то она почти не носила. Я их истрепал, — признался я.

— Что ж, — весело сказала мама, — раз так, пусть носит она.

— Э-э-э, — радостно проговорила Карагыс, — как же это я буду носить сапоги? Я с ботинками измучилась. Ноги ведь у меня большие. Буду ичиги носить.

Пока мы примеряли обновы и разговаривали, начало темнеть, и мама засобиралась на работу. Ей надо было посмотреть, не начался ли окот у овец.

Она ушла, а мы еще долго рассматривали свои обновки и впервые разговаривали, как брат с сестрой. Потом разобрали свои постели и легли спать.

А когда я уснул, мне почему-то приснились красные ботинки, с которых все началось.

ОБЪЕЗДЧИК

Наш аил стоял на отшибе. Старый, насквозь прокопченный очажным дымом, он был одним из самых убогих жилищ села. Но мне аил казался лучшим. Даже дымоход, в который часто задувал знобящий ветер, был каким-то своим, очень домашним.

Возле аила тек ручей, по берегам которого стояли островерхие ели. Ручей и деревья шумели, а мне казалось, что они поют для меня бесконечную земную песню без слов. И когда деревья начинали сильно шуметь, бабушка говорила мне:

— Надо дров для очага заготовить побольше, а то дождь заладит и придется сидеть в холодном аиле.

— А почему он заладит? — спрашивал я. — Тебе кто сказал?

— Деревья, — отвечала бабушка. — Слышишь, как они громко заговорили? Перед дождем всегда так. Шумят ели, ветки к земле пригибают, чтобы не сломало.

Мы выходили на улицу. Я старался услышать слова деревьев о дожде, увидеть, как они пригибают ветки к земле, но ничего не слышал и не видел.

— Идем, — торопила бабушка. — Чуешь, уже дождем пахнет?

Мы поднимались выше в гору, где теснились кусты аральника, и принимались за работу. Сухой хворост связывали так, чтобы его легче было нести. Едва с неба срывались первые капли, мы укрывались от дождя в аиле.

Бабушка разводила огонь в очаге. Я садился ближе к нему и слушал, как стучат по кедровой коре, которой покрыт аил,

крупные капли дождя. Мне казалось, что не капли стучат, а неведомые птицы долбят острыми клювами кору и просятся ближе к очагу, где тепло и по-лесному сумрачно.

Однажды дождь застал нас на склоне горы. Крупный, прямой, он промочил нас до нитки. Хворост тоже успел пропитаться влагой и, когда бабушка стала разжигать его, никак не хотел разгораться. К тому же сквозь дымоход текло, заливая очаг. Бабушка прикрыла очаг фанерой и, опустившись на корточки, принялась дуть на едва тлеющие угли. Глаза ее слезились от дыма, брови и волосы побелели от золы, а огонь не хотел гореть по-настоящему. Она ругала дождь, промочивший хворост, и хворост, пропитавшийся водой.

В это время залиvisto залаяла наша собака. Так она лает только на людей. Значит, к нам кто-то пожаловал.

— Цыть, Калтар! — крикнула бабушка из аила, и уже через миг к нам вошел мужчина. Высокий, широкоплечий, он вынужден был стоять в аиле пригнувшись, чтобы не упираться головой в потолок. Глаза у него были голубые, а брови рыжие. Одет он был в шубу. Но не в такую, какие я привык видеть. Шуба была шерстью наружу. И от этого он показался не таким, как все. Я даже испугался его немного. Но бабушка по-прежнему продолжала дуть в огонь, и это успокоило меня.

— Здравствуй — якши! — сказал он.

— Якшилар — здравствуй! — ответила бабушка, продолжая заниматься своим делом.

Мужчина присел на мужской половине аила, молча достал из сумки бумагу и карандаш. Я заерзал на месте.

«Зачем это он бумагу и карандаш приготовил?» — подумал я. А мужчина осмотрел наше жилище, покачал головой и тихо сказал:

— Вы, бабушка, за дрова не платите. Вот я и...

Но бабушка не дала ему договорить.

— Это дрова, да? — зачастила она, указывая на хворост, лежащий у очага. — Вода это, а не дрова. Что за них платить?

Она выхватила из очага тлеющую головню, намереваясь показать гостю водяные потеки на ней. От головни валил дым прямо ей в лицо, но бабушка не замечала этого. А гость неожиданно поднялся и вышел из аила.

Огонь в очаге разгорелся. Он старательно принялся лизать маленький казан, в котором мы кипятили чай. Точно так я недавно облизывал деревянную ложку, после того как бабушка мешала ею топленое масло.

— Кто это был? — спросил я.

— Обьездчик, — ответила бабушка, — лес караулит.

— Не убежит лес, — сказал я.

— Не убежит, — согласилась она, — но есть нехорошие люди, которые даже большие кедры сваливают. Посмотри выйди, где он.

Я высунул голову за дверь. Мужчина стоял, прислонившись к пригону, курил и, кажется, о чем-то сосредоточенно думал. На дождь он не обращал никакого внимания.

— Стоит, — сказал я бабушке, — шубу свою совсем не жалеет. А она у него вся мокрая уже.

Бабушка налила чаю в пиалу, деревянную чашку наполнила молоком, очистила ножом от копоти сырчик и распахнула дверь аила.

— Входите, чего мокнуть. Чаю попейте, — крикнула бабушка. На этот раз в ее голосе не было ворчливости.

Мужчина неторопливо бросил папиросу и вошел в аил. Чаевничать он не стал, а просто протянул бабушке бумажку и сказал:

— Возьмите вот квитанцию на дрова. Не надо платить ничего. Только выбирайте хорошие дрова, чтобы горели они понастоящему и тепло было от них. А за угощение спасибо. Сыт я.

Обьездчик повернулся и вышел за дверь. Я последовал за ним. Дождь перестал. В небе ласково улыбалось солнце, и горы, умытые дождем, сияли. Когда я вернулся, в аиле было совсем тепло. У бабушки из глаз текли слезы, хотя совсем не было дыма.

... Прошло несколько лет. Однажды до нас дошел слух, что обьездчик помер. Услышав об этом, бабушка собрала все свои сбережения, положила в торбу немного продуктов и сказала мне:

— Схожу на похороны. Хороший был человек обьездчик. А ты присмотри здесь за телятами.

И она ушла по той дороге, по которой когда-то ушел обьездчик.

ПАМЯТНАЯ ЕЛКА

Новогодний утренник прошел в нашей школе 30 декабря. На другой день приехала мама с высокогорной стоянки и сказала мне:

— Придется тебе, Эртечи, к отцу ехать. Трудно ему там одному управляться с отарой. Да и продукты у него на исходе. А я пока здесь за бабушкой поухаживаю. Плохонькая она стала, даже чай не в силах сама заварить.

— С радостью поеду, — согласился я, — там сейчас хорошо, наверно, в горах-то, все сверкает, все в снегу.

— В снегу, — проговорила бабушка, присев на постели, — оденься потеплее, а то, чего доброго, замерзнешь в дороге. Ведь до стоянки-то неблизкий путь — целых восемнадцать верст.

...И вот я в дороге. Если только эту тропку дорогой назвать можно. Сразу за селом она начинает петлять между деревьями, огибает большие валуны, крадется по кромке расщелин. Наконец, уже выбиваясь из сил, она ящерницей выскользывает из леса и ползет по предлуговым колючим кустарникам. Здесь она прямее и немного положе. А вот и альпийские луга. Летом они яркие-яркие. Даже слов не хватает, чтобы рассказать, какого они цвета. Тут и там поляны бледно-розовых тюльпанов, огоньки и синие-синие водосборы. А сейчас белизна. Зато отсюда такая даль открывается! Даже Белуху видно. Во-он она, трехглавая, величавая, — самая главная гора Алтая.

А вот и стоянка. У двери отец стоит. Улыбается.

— Вот молодец какой! — сказал отец, вводя меня в дом. — А ты же знаешь, что именно сегодня Ночный год наступает.

Сам Дед Мороз спустится к нам с Белухи. Ты, Эртечи, овец в пригон загони, а я сейчас займусь приготовлением к встрече.

Я пожал плечами и пошел к овцам. Они паслись на южной стороне горы, где всегда бывает меньше снега и овцам легче доставать корм. Две наши чабанки-собаки помогли мне собрать отару и водворить ее в кошару. После этого я вошел в избу. Посреди комнаты стояла пушистая красавица — серебристая ель.

— Так ведь она без игрушек, — сказал я.

— Здесь больше, чем в магазине, игрушек, — ответил папа, — стоит только поискать.

Он достал из-под кровати большую коробку, наполненную чуть не до краев кедровыми, еловыми и даже лиственничными шишками, подал целую пачку конфетных оберток и юрок ниток.

— Вот заворачивай эти дары леса в золотистые бумажки и привязывай на ветки, — посоветовал папа, — а вон из того картонного листка вырежи, что тебе хочется.

Я принялся за работу. Развесил шишки, обернутые в разноцветную фольгу. Развесил несколько полумесяцев и звезд, вырезанных из картона. Даже цепочку из полосок бумаги склеил и набросил ее на плечи елки. Но все равно чего-то не хватало. А вот чего?

— Ваты, — подсказал папа.

— Так где же ее взять? — спросил я.

Папа подал мне небольшой сверток. Я развернул его, но вместо ваты обнаружил в нем белоснежный козий пух, из которого у нас вяжут платки и рукавицы.

— Ну чем не вата, а? — с улыбкой сказал папа.

В окно уже смотрела луна, как будто бы с любопытством разглядывала нашу елку, заглядывали звезды, и тихо-тихо постукивал веточкой рябиновый куст, одиноко стоящий у избы. Мне казалось, что это стучит неожиданный гость. Но откуда ему здесь быть, если до села так далеко.

А гости и вправду появились. За полчаса до наступления Нового года распахнулась дверь и с густыми клубами пара в избу ввалился чабан Кедеш. Да не один, а с женой.

— Да у них здесь, как в клубе, елка! — восторженно закричал Кедеш. — А ты, жена, хотела к нам приглашать.

Гости разделись и стали выкладывать на стол подарки.

— Погодите, — сказал папа, — не то еще будет. К нам вот-вот сам Дед Мороз пожалует. Обещал с Белухи спуститься и проведать нас.

Он хитровато подмигнул мне. А я подумал: «Какой Дед Мороз? У нас в школе им был учитель Манкыр Тодошевич. Так, может быть, он сюда и приедет?»

Папа посмотрел на часы и озабоченно проговорил:

— Что-то задерживается Дедушка Мороз. Может быть, скобу у двери найти не может и топчется возле избы.

Он накинул на плечи шубу и вышел из избы. Через минуту и вправду вошел Дед Мороз. Одет он в нарядную новую шубу и шапку, в руках красивый деревянный посох, а за спиной мешок. На лице — маска.

— Здравствуйте, люди добрые, труженики честные, — грубым голосом сказал он, — с Новым годом вас, с новым счастьем. И тебя, малыш, поздравляю.

Потом он развязал мешок и насыпал нам по пригоршне конфет. Они были точно такими, какие я привез из дому. Дед Мороз опустил на корточки под елкой и, протянув руку вперед, продекламировал:

— Посмотрите на Белуху.
Там дворец из льдин построен.
Во дворце сейчас веселье —
Новый год справляет шумно
В звездном зале новоселье.
Раздается звон сосулек,
Завывание поземки.
Новый год на сцену смотрит
В закулисные потемки.
Там идет балет снежинок...

— И-эх! — ударил себя по бедрам Кедеш. — Не зря мы к тебе приехали, Токшин! Порадовал ты нас! Как порадовал!

Папа снял маску и шубу свою новую скинул. Ах, как я пожалел, что сказка так быстро кончилась! Папа сел с гостями за стол, а я улегся спать. Но едва я сомкнул ресницы, предо мной предстала ночная Белуха с ледовым освещенным изнутри дворцом на вершине. А во дворце на троне сидит мальчик — Новый год — и зачарованно смотрит балет снежинок, слушает певицу-вьюгу, наблюдает пляску шамана-вихря. Сплю. А сказка продолжается. Даже слова ее звучат явственно:

— Новый год поднялся с трона.
Зазвенели колокольцы,
Словно кто-то ненароком
Бьет стеклянную посуду.

Подползла к нему поземка,
Словно пес, хвостом виляя,
И пропела льстиво-льстиво:
— Вся я — слух, мой повелитель.
Новый год сказал негромко:
— Я велю, чтоб этой ночью
Ели с наших перевалов
Приходили к людям в гости,
Чтобы Дед Мороз мой верный
Всем желал успехов, счастья
И хорошего здоровья
На все дни, пока я правлю.

Сплю. Но почему я слышал эти слова? Это, наверно, папа сел у моего изголовья и досказывал мне сказку, чтобы я поскорее засыпал...

ДРУЖБА

Каждое лето я пасу с отцом отару на отгонных пастбищах, которые находятся высоко в горах, почти у самых белков. Как заправский чабан, езжу на коне по разноцветным альпийским лугам и смотрю за тем, чтобы овцы не разбрелись, а держались кучно.

Иногда отец доверяет отару мне одному. Правда, отлучаясь куда-нибудь, он говорит мне:

— Смотри за молодняком получше. Он ведь еще не окреп. Как бы чего не случилось. Да держи овец там, где трава получше да вода близко.

Оставаясь за отца у отары, я чувствую себя большим. Не по росту, конечно, большим, а взрослым: ведь выполняю же я работу, которую не все взрослые делать могут. Жаль, что этого никак не могут понять в селе. Как только я спущусь с гор и скачу по нашей улице, все прохожие посмеиваются надо мной и говорят громко, чтобы я слышал:

— У него все еще ноги не достают до стремян.

Ну что я сделаю, если и вправду расту как-то медленно. Пробовал ускорить свой рост, но это очень трудно и неловко телу. Разве ловко висеть привязанным врастажку за два дерева? А два часа подтягиваться на кедровом сучке вместо турника, ловко разве? Устаешь так, что все мышцы гудят и ноют, а рост все не замечается никак. А может быть, я расту, но сам не замечаю этого? Нет, наверно. Ведь вот бросила ж недавно мне вслед обидные слова о моих ногах, не достających до стремян, соседская девчонка Сырга, с которой я с первого класса вместе учусь и даже за одной партией сижу.

Я рассердился и ускакал к отцу на отгонные пастбища, твердо решив не показываться в селе до самой осени. И еще решил не садиться больше с Сыргой за одну парту — пусть с кем-нибудь другим сидит теперь. Хотя бы вон с Аланкой. Он у нас самый высокий в классе. У него, пожалуй, ноги достанут до стремян. Да только он лошадей как огня боится. Верхом на коне его еще ни разу никто не видел. И, может быть, не увидит никогда. Пусть вот с ним и сидит.

Приехал я на выпаса и сказал отцу о своем решении. Он ничего не ответил, только как-то укоризненно покачал головой. Но я на это не обратил внимания: ведь не его дразнят в селе, а меня.

Потом отец зачем-то поехал в контору колхоза, а мне, как всегда, наказал получше смотреть за молодняком. Он ускакал, а я отправился к отаре. Овцы паслись у самого белака. Там в жару прохладней и трава сочнее и гуще. Объехал я отару, оттеснил от кустарника на открытое место, отпустил своего коня пастись и пошел к ручью, что течет неподалеку. У ручья сел на берег и стал смотреть, как ползут по дну, подгоняемые течением, песчинки и камешки.

Вдруг в кустах за ручьем кто-то громко засмеялся. Да знакомо так. Только слов не хватало: «Ноги до стремян не достают». Я так и остолбенел. Не испугался, а просто опешил от неожиданности. Ведь я же здесь один-одинешенек.

А из кустов вылетела куропатка. И тут я вспомнил, что они иногда кричат так, как будто смеются над кем. Я погрозил ей кулаком и облегченно вздохнул. Но, как назло, мне зачем-то припомнилась прочитанная недавно сказка, в которой девушка превращается в куропатку и улетает в тайгу подальше от злых родственников. И подумал: «Это Сырга обернулась куропаткой и прилетела сюда, чтобы посмеяться еще раз надо мной». И мне стало как-то не по себе. А куропатка села на недалекий камень и смотрит на меня пуговицами-глазами, как будто хочет спросить: достают ли у меня теперь ноги до стремян?

Я совсем не суеверный, но тут растерялся. Побежал к коню, взобрался в седло и, сам не знаю зачем, начал кружить по лугу и петь во все горло песню, которую тут же придумал:

А у нас в любом распадке
Проживают куропатки.
Гнезда их найти могу
Я сейчас в любом логу.

Не боюсь я обмануться —
Им никем не обернуться,
Потому что, как поется,
Сказка — сказкой остается.

— Это какую ты тут сказку поешь? — спросил подъехавший незаметно отец.

— Да так, — смутился я, — просто скучно одному, вот я и выдумываю.

— Это хорошо! У нас в роду всегда свои сказочники были. Надо кому-то продолжать их дело. Хочешь, я тебе топшур из корня во-он того кедра сделаю? — Отец указал на стоявшее у скалы кряжистое дерево, корни которого были полуобнажены и черными жгутами свешивались над обрывом.

«А что, — подумал я, — хорошо бы иметь свой топшур, да научиться на нем играть так, как играют настоящие топшуристы. Тогда, может быть, взрослые позабыли бы о своих насмешках и по-другому относились бы ко мне. Да и Сырга перестала бы дразниться».

До самого позднего вечера мы считали овец. А это нелегкое дело. Приходилось каждой овце ставить метку, чтобы не сосчитать ее два раза. Обычно они легко даются в руки, а тут как будто совсем одичали. Станешь подходить к овце, а она бежать. Наверно, жара на них подействовала да оводы, которые просто не давали покоя.

Утром отец приготовил завтрак и разбудил меня. Я чувствовал себя разбитым после вчерашней работы. Чтобы не показывать этого, я бодро сбегал к ручью и наскоро умылся холодной водой.

Завтракали молча. Только, когда я уже направлялся седлать своего коня, отец сказал:

— Ты знаешь, соседка наша Сырга вчера ногу сломала. В районную больницу ее увезли... Ну да у детей кости быстрорастают.

Он говорил что-то еще, но я не слушал. Мне ясно представилась Сырга в больнице. Вот она лежит в постели, а вокруг нее, все в белом, врачи, как привидения. Они разговаривают шепотом, чтобы не потревожить больную, и сокрушенно покачивают головами: дескать, тяжелое у девочки состояние. У окна больничной палаты стоит заплаканная мать Сырги и ее подружки. Они ждут, что же скажут врачи.

У ручья, как и вчера, засмеялась куропатка. Я вздрогнул, и видения тотчас исчезли.

— Давай-ка закончим сегодня подсчет, — сказал отец, и мы отправились к отаре. Опять началась маятная беготня за непослушными овцами, метки, записи в толстую отцовскую тетрадь учета. Но и за этот день мы не успели закончить работу. И только на третий день, когда уже отец и я едва стояли на ногах, была поставлена метка последней овце. Но как бы ни было трудно в эти дни, я не забывал о Сырге. Человек ногу сломал, болеет сейчас. Как же о нем забыть можно?

Я стал искать предлог для поездки в село, чтобы оттуда навеститься в районную больницу к Сырге. Сказать, что поеду за продуктами? Но у нас их еще на целую неделю хватит. Сослаться на головную боль? Отец уложит в постель на стойбище и начнет пичкать меня таблетками и отварами различных лечебных трав. И я решил никакого предлога не искать, а просто взять да и съездить домой, как я ездил раньше.

Сел на коня и сказал отцу:

— Я в село съезжу.

— Но ты же решил до осени не показываться там, — усмехнулся отец, — слово свое не держишь. Ладно, отправляйся. Только долго не задерживайся там. Здесь еще работы много, и один я не управлюсь с ней.

Нахлестывая лошадь, я помчался по тропе, ведущей к нашему селу.

Дома я никого не застал. Мать, наверно, была на работе. Переоделся во все чистое, сунул за пазуху книгу «Овод», которую просила как-то у меня почитать Сырга, и, снова сев на коня, важно поехал по селу. На улице никого не было. Да если и были б люди, то я проехал бы мимо вот так же важно, как сейчас.

До райцентра ехал обочиной дороги, потому что кое-где спешивался и рвал цветы. С большой охалкой цветов подъехал я к больнице, оставил коня у коновязи, а сам вошел в широкие двери.

— Можно мне повидать Сыргу? — спросил у дежурной.

— Сыргу? А ты кто ей будешь? — спросила дежурная.

— Брат, — неуверенно ответил я.

— Брат? — удивилась она. — Так вот только полчаса назад здесь были брат с матерью.

— А я на выпасах был, — смущенно сказал я, — оттуда не сразу приедешь.

— Ладно, поднимайся на второй этаж. Третья палата. Только сначала халат надень. Без халата нельзя.

Сырга встретила меня с радостью, а я не знал, что говорить. Просто достал книгу и подал ей.

— На вот, ты же просила ее.

— Ой, — обрадовалась Сырга, — вот спасибо! А то лежать здесь совсем скучно. А эти цветы тоже мне?

— Ну да.

— Завидую тебе, — проговорила Сырга, — ты там на выпасах, как ветер вольный, живешь. Хорошо ведь там?

— Хорошо, — сказал я, — куропаток много...

Мы замолчали, и вдруг Сырга хитро посмотрела на меня, улыбнулась и спросила:

— А ноги у тебя до стремян доросли?

— Нет еще, — притворно вздохнув, ответил я, — но думаю, что скоро дорастут.

А главное, я совсем не обиделся на Сыргу за эти слова. Нисколько не обиделся. Просто ничего обидного в словах девочки не было.

Через час я уже скакал на лошади, минуя село, в сторону пастбища и громко пел:

А у нас в любом распадке
Проживают куропатки.
Гнезда их найти могу
Я сейчас в любом логу.
Не боюсь я обмануться —
Им никем не обернуться,
Потому что, как поется,
Сказка — сказкой остается.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРУЗЬЯ	5
КУРЫ И МОЕ ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ .	10
КРАСНЫЕ БОТИНКИ	14
ОБЪЕЗДЧИК	24
ПАМЯТНАЯ ЕЛКА	28
ДРУЖБА	33

Шинжин Иван Баксурович

КРАСНЫЕ БОТИНКИ

**Рассказы для детей среднего
и старшего школьного возраста**

Редактор И. Козловская
Художник Б. Храбрых
Художественный редактор В. Еврасов
Технический редактор М. Сафонова
Корректор Н. Тырышкина

АГ 06252. Сдано в набор 24. X. 1975 г. Подписано к печати 26. XII. 1975 г. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 2,33. Уч.-изд. л. 1,96. Тираж 200000 экз. (2-й завод 100001—200000). Заказ № 135. Цена на бумаге тип. № 1 — 8 коп., на бумаге тип. № 3 — 7 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли — Барнаул, Ленина, 76. Горно-Алтайская типография — Горно-Алтайск, Коммунистический, 27.

8 коп.

